

Давно, во время съемок «Синей птицы», по коридору «Ленфильма» в сопровождении многочисленной свиты шла Элизабет Тейлор – великая Клеопатра, миллионерша, звезда американского кинематографа. Навстречу ей по тому же коридору вышел Кахи Кавсадзе, чьим главным достоянием были молодость и мужская неотразимость (как он тогда выглядел, можно себе представить, вспомнив его Черного Абдулла из «Белого солнца пустыни»). Актеры неумолимо сближались. С высоты своего почти двухметрового роста Кахи углядел за плечами свиты знакомое лицо Клеопатры. Кровь грузинских князей вскипела в жилах. Расталкивая телохранителей, он бросился к звезде. Хотелось потрогать настоящую Элизабет Тейлор, и Кахи потрогал. Ухватил двумя пальцами за щечку, как ребенка, и выдал речь из междометий и грузинских восхищенных ругательств, суть которой в вольном переводе «Так вот ты какая, Элизабет Тейлор!» Их растащили. Потрясенную достоинствами Кахи суперзвезду пришлось уводить от него под руки. Она оборачивалась и виновато пожимала плечами, мол, извини, мы, звезды, собой не распоряжаемся. Эту удивительную историю, похожую на сказку, я слышал из уст самого Кахи Давидовича. Мне совсем не хочется выяснять, что в ней истина, а что прекрасная актерская выдумка. Главное, в ней есть Кахи Кавсадзе, Дон Кихот в кино и подлинный рыцарь в жизни, способный не только дамам пальчики целовать, но и, к примеру, бесплатно сняться в фильме, «потому что грузинскому кинематографу сейчас плохо». Одна его вскользь сказанная реплика меня поразила: оказывается, Черный Абдулла не смотрел «Белое солнце пустыни»!

Кахи Кавсадзе: *Веч. Москва. - 1998. - 7 мая. - с. 12.*

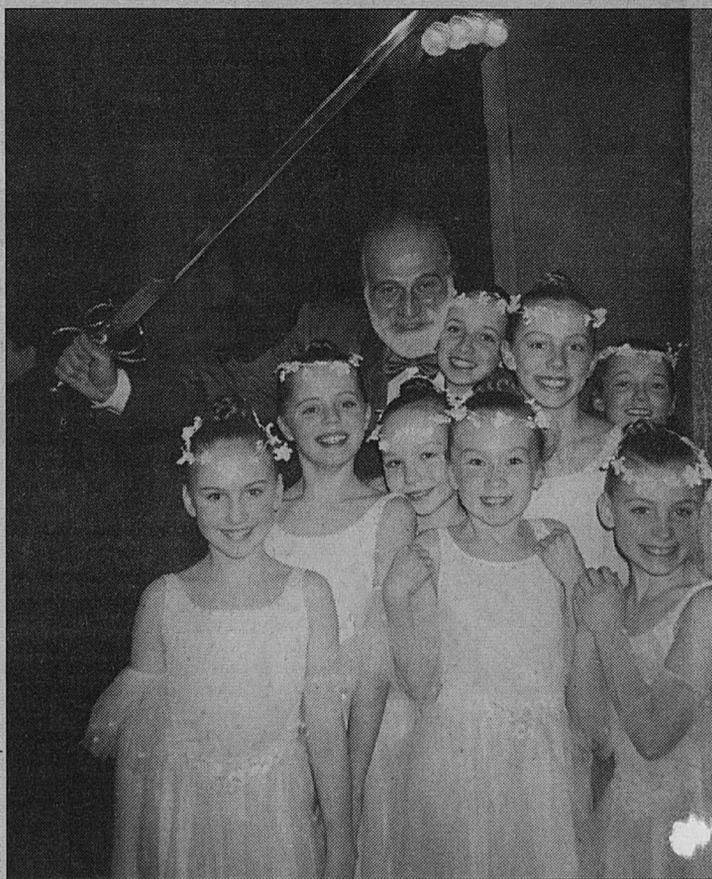

Фото Евгения Некрасова

Черный Абдулла без «Белого солнца»

Евгений НЕКРАСОВ

— Кахи Давидович, не могу поверить! Фильм наипопулярнейший, у вас там одна из ведущих ролей, и — не посмотреть?!

— Это не поза. Мне очень трудно на себя смотреть. Пока идут съемки, составляешь свое представление о фильме: какой будет монтаж, какой ритм. А потом видишь другое произведение — может быть, замечательное, но другое, — и это всегда разочаровывает. Я с большим интересом смотрю свои фильмы, скажем, во время озвучивания — это моя работа. Но из готовых картин видел с начала до конца только одну, зато раз пять — «Райские птички». Я этих «Птичек» перевел на «Киношоке» в Анапе, потом на премьерах в Тбилиси и Москве. Но тогда я не как зритель смотрел, а как человек, который работает над фильмом.

— И «Дон Кихота» не смотрели?

— Нет. Мы сейчас запускаем нового «Дон Кихота», комического и немного с грустью — Дон Кихот и Санчо приезжают в Грузию освобождать Прометея, который прикован к Кавказскому хребту, и по дороге у них всякие приключения. Сценарий получился длинноват, и меня это волнует и пугает. Картина должна быть максимум сто минут, затягивать нельзя.

— Мне кажется, экспансия американского кинематографа заставит и наших киношников ускорить темпоритм. Сейчас уже кажутся архаичными эти наши долгие проходы и панорамы, когда целую минуту детально показывают, скажем, комнату героя.

— Темпоритм изменился, но нельзя уходить от себя. Если американцы снимают боевики, разве можно с ними соревноваться в этом деле? Надо оставаться самими собой и играть на своем поле. Конечно, есть вещи, которые мне не нравятся в нашем кинематографе. Я просто ненавижу, когда в фильме участвуют непрофессиональные артисты. Все-таки я сорок лет на сцене и в кино... То, что на-

писал профессиональный писатель и хочет воплотить профессиональный режиссер, должен сделать профессиональный артист. Хотя есть отличные режиссеры, которые не признают артистов.

— Вы ведь из артистической семьи.

— Из музыкальной. Мой дед, Сандро Кавсадзе, мой отец, Давид Кавсадзе, мой дядя Сандро Кавсадзе, Григорий Кавсадзе, Ладос Кавсадзе, Мишо Кавсадзе, Коля Кавсадзе — все они были певцами. Дед был руководителем хора грузинской песни. Когда он умер в 39-м году, отец стал руководить этим хором. Потом они с дядей ушли на фронт, отец попал в плен, и когда вернулся, его сослали в Сибирь: Свердловская область, станция Сосьва и какой-то номер. Мы письма писали, посылали фотографии. Отец все время спрашивал, какого роста его дети, и мы снимались: мама, я и мой младший брат. Потом я стал выше мамы, и она стояла на снимках второй, а третьим брат. Потом и брат стал выше мамы. Отец по снимкам видел, как мы росли, и писал: «Ну как, музыка вы учитесь?»

— А вы?

— В Тбилиси у нас была при консерватории десятителка для одаренных детей. Я проучился в ней до седьмого класса и ушел. Тогда я много занимался спортом, да и по улице шатался — интересы у меня были не музыкальные. Весь мой класс решил поступать в политехнический институт, и я тоже собрался в политехнический. Но я жил в доме, который называли Дом артистов, по соседству с известными грузинскими актерами и режиссерами, и вырос на спектаклях театра Руставели и оперного театра. Когда я окончил одиннадцатый класс, меня позвали на кинопробу. Картина называлась «Они спустились с гор» — тогда пропагандировали, чтобы все спустились с гор и начали работу на заводах. Меня утвердили на роль, съемки начались, и тут я неудачно прыгнул в воду, поломал себе ребра и получил травматический плеврит. Год я пролежал. Было обидно, что не снялся в кино, и эта обида во мне осталась. И вот,

ни разу даже стихотворения со сцены не прочитав, я пришел поступать в театральный институт. В приемной комиссии сидели мои соседи. Я думаю, что и взяли меня по-соседски. Но так получилось, что из 24 принятых тогда студентов я единственный стал артистом. Кто-то уехал, один ушел в режиссуру, другой стал комментатором на телевидении...

— Не могу беседовать с грузиним и не спросить его о застолье. Самый запоминающийся обед в вашей жизни был...

— Я бы разделил вопрос: какой кутеж запомнился и какое кушанье. Кутеж тогда запоминается, когда хороший тамада. В Тбилиси был такой Петя Бокерия 1907 года рождения, по профессии агроном. Мне, молодому артисту, дважды посчастливилось попасть на пир, где он был тамадой. За столом сидели выдающиеся люди Грузии, и они молчали, когда он говорил. Он читал стихи — и Блока, и Ахматову, и Галактиона Табидзе. Лилось из него, это дар такой. Вечером сели за стол и утром вышли все счастливые, любовью полны и уважая друг друга. Петю знал весь Тбилиси, знакомством с ним гордился. Один случай с Петей был совершенно выдающийся. После войны командующим Закавказским военным округом стал Рокоссовский. Его повезли в Лагодехи — там у нас заповедник, куда уважаемых людей приглашают на охоту и накрывают большой стол. Для такого известного маршала стол накрыли человек на двести — правительственные, выдающиеся люди, интеллигенция, певцы. Собрали за столом вел Петя Бокерия. Когда все закончилось, Рокоссовский спросил, кто этот человек. Ему сказали: обычный агроном по профессии. Нет, сказал Рокоссовский, он должен быть военачальником. Я, маршал, все время волновался, что будет, когда двести мужчин напьются, ими же невозможно станет управлять! А этот ваш Петя держал их всех, только великий военачальник так может. И у Пети появилось прозвище — Маршал.

— А еду вы какую любите?

— Сациви и шашлык, хинкали,

лобио — это фасоль в разных вариантах: с орехами, без орехов, с соусом, и в любом варианте я ее обожаю. Говорят, что лобио — для нищего сословия. Но, жем, у меня бабушка с материнской стороны была княжна Робакидзе, а бабушка с отцовской стороны — Цицишвили, чистокровная княжна. Во мне сидит княжеская кровь и, несмотря на это, я люблю лобио.

— Я слышал, что женщин не принято подпускать к шашлыку: они сделают хуже, чем мужчины.

— Да нет. Когда выйдут на природу, зарежут барана, разделяют — это, конечно, мужское дело... А я совсем не умею готовить, даже яичницу. Иногда так лихо ударишь о сковородку, что делал яичницу из трех яиц, а получается из двух.

— Вы коммуникабельный человек?

— Очень. Но когда у меня предпремьерные репетиции, то со мной разговаривать нельзя. Несчастная моя жена это хорошо понимала и в такие дни не просила меня даже хлеба пойти купить.

— А почему вы говорите «несчастливая»?

— Она ушла из жизни шесть лет назад. Белла Мариенашвили, одна из самых любимых и популярных актрис Грузии. В 69-м году она родила мне сына и заболела, практически потеряла способность ходить... На сцене и в кино она была всего девять лет, но интерес публики к ней остался, журналисты продолжали брать у нее интервью. Она ушла очень романтично, 28 августа, в день ухода из жизни деды Марии. Закрыла глаза, я спросил: «Ты меня слышишь?» «Я, — сказала она, — чувствую, что превращаюсь в дух». Я ей стал говорить: держись, как тебе не стыдно... «Прости меня, пожалуйста, — ответила она, — оставь меня в покое, не лишай блаженства». И заснула как, говорят, дева Мария заснула. Я сидел молча, потому что, когда человек уходит из жизни, нельзя кричать и плакать громко. Ведь он еще слышит, но не может ответить... Я два часа сидел. А потом дал реакцию.